

УДК ???

Просоветская ориентация белорусских иммигрантов из II Речи Посполитой в Аргентине (1930–1950 гг.)

С. В. ШАБЕЛЬЦЕВ

Советско-польская граница, установленная в 1921 г., создала непреодолимую преграду для свободного перемещения людей и информации на территории Беларуси. Почти 20 лет западные белорусы жили в условиях польского политического режима и не имели возможности сравнить его с советскими реалиями. Не могли белорусы Западной Беларуси встретиться с жителями БССР и в эмиграции: в отличие от II Речи Посполитой из СССР свободный выезд граждан за рубеж был исключен. Поэтому представления о жизни в Советском Союзе строились на домыслах или на основе коммунистической пропаганды. В данной статье проведено исследование того, как белорусские иммигранты в Аргентине в общественно-политической деятельности выражали свое отношение к Советскому Союзу, к той системе, которая, по их мнению, существовала в СССР. В рамках настоящей конференции любопытно отметить и белорусско-украинское сотрудничество в Аргентине среди иммигрантов из межвоенной Польши.

Тема белорусской диаспоры стала разрабатываться только после Второй мировой войны, и в Советском Союзе вышла диссертация А. Руденко, в которой на основе марксистско-ленинской методологии было проведено исследование деятельности иммигрантов-белорусов в Аргентине. В данной статье использованы записанные А. Руденко воспоминания белорусов, переехавших из Аргентины в СССР во вт. пол. 1950-х гг., которые размещены в приложении диссертации [1]. Также активно использовались опубликованные в постсоветский период воспоминания К. Шермана и К. Мерляка, которые находились в Аргентине до середины 1950-х гг., и неопубликованные записи воспоминаний бывших иммигрантов, собранные автором за последние пять лет.

С последней четверти XIX в. Аргентина проводила политику открытых дверей по отношению к европейским переселенцам. В 20-30-е гг. XX в. статистика зафиксировала частое прибытие в Буэнос-Айрес «поляко» – граждан Польши. Этнический состав «поляко» определить трудно. Польские исследователи считают, что среди 220 тыс. польских граждан в Аргентине (в конце 1930-х гг.) было 20 тыс. белорусов [6, с. 406]. Возможно, это приуменьшенная цифра, поскольку белорусов-католиков польские исследователи традиционно относят к полякам.

Причинами переезда белорусов были: тяжелое экономическое положение на Родине, ограничение использования белорусского языка, ущемление православных. Бывшие белорусские иммигранты в Аргентине, проинтервьюированные А. Руденко в СССР, жаловались на «тяжелое материальное положение», «безземелье и большие налоги» во II Речи Посполитой; «учиться было негде». При этом указывалось, что такое положение было результатом политики буржуазной Польши. Когда же переселенцы переехали в Аргентину, то оказалось, что «условия жизни были ничуть не лучше, чем на Родине при панской Польше». Интервьюируемые рассказывали, что аргентинские власти никакой помощи не оказывали, каждый устраивался, как мог, и «многие белорусы были заняты на самых тяжелых и изнурительных работах – строительстве железных дорог, туннелей, каналов и т. д. Польские официальные власти в Аргентине не оказывали никакой помощи белорусам». Представители частных компаний приезжали в эмиграционный отель и «рассматривали нас, словно лошадей, и самых сильных и здоровых отбирали на работы» [1]. Таким образом, весь капиталистический мир – что Польша, что Аргентина – представляли царством наживы, где белорусы не могут найти себе место под солнцем.

Иммигранты-белорусы, крестьяне по социальному происхождению, если решали заняться сельским хозяйством в Аргентине, направлялись на север в штаты Мисьонес и Чако. Но многие из белорусов осели в городах, особенно в Буэнос-Айресе, – сразу по прибытию или прожив определенное время в сельской местности. Со временем в Аргентину переезжали и белорусские эмигранты из Парагвая: тамошний климат и экономическое развитие не удовлетворяли переселенцев.

В незнакомой стране белорусы часто держались вместе с украинцами, с которыми переехали в Новый Свет и могли поговорить без переводчика: они считались «своими», помогали друг другу, и это осталось доброй памятью о первых шагах в Аргентине. Например, украинская семья в Мисьонес временно жила у белорусов, которых описывали так: «Антон Белякович был выходцем из Западной Беларуси. С тремя братьями он прибыл в Аргентину несколько лет тому назад, до начала всемирного экономического кризиса, когда предпринимателям еще нужны были рабочие руки. Хлопцы – трудолюбивые, дружные и бережливые – накопили какие-то песо, а когда началась безработица, поселились в сельве... и стали хозяйствовать. Спустя некоторое время их посетил отец, который много лет жил в США. Он оставил сыновьям свои сбережения, и те взяли «на выплату» грузовую машину» [2, с. 11].

Связанные близостью исторических судеб и языка, белорусы и украинцы часто имели одни и те же идеологические взгляды. Среди них получили распространение коммунистические убеждения, так как аргентинская действительность не соответствовала их представлениям о справедливом обществе. Справедливое же общество должно быть коммунистическим: такому убеждению иммигрантов способствовали прокатившиеся революционные события после Октября 1917 г., в которых они или их родственники в той или иной мере участвовали. Неудивительно, что возникшая в Аргентине в 1932 г. украинско-белорусская организация СУБРО (Союз украинских и белорусских рабочих организаций) носила коммунистический характер. В 1934 г. действовало 52 отдела СУБРО с общим числом членов около 3 тыс. человек.

После репрессий со стороны аргентинских властей СУБРО прекратил свое существование и белорусы создали легальные общества. В декабре 1934 г. в Буэнос-Айресе возникло и первое Белорусское Культурно-Просветительное общество «Беларуская Грамада», возглавил которое член Компартии Аргентины (КПА) В. Кочерга. В декабре 1936 г. было создано общество «Культура», в январе 1937 г. – «Белорусская библиотека им. Ивана Луцкевича», а в октябре 1938 г. – общество «Белавеж». 21 мая 1939 г. эти общества объединились в «Федерацию белорусских обществ и организаций в Аргентине». Возглавили объединение В. Гайлевич, Н. Меречко и Я. Петрушек. При помощи Федерации возникли белорусские общества в районе Буэнос-Айреса Док-Суд (1939 г.) и в г. Бериссо (1941 г.). Эти организации были идеологически едины и тесно сотрудничали с подобными объединениями украинцев – библиотекой им. Тараса Шевченко, обществом им. Лысенко, «Аматорів мистецтва» и другими. Были и украинско-белорусские организации, что продолжало традицию совместной работы в рамках СУБРО. Эти объединения, где было много приверженцев идеи построения справедливого общества, руководились членами КПА или испытывали сильное их влияние.

Упоминая организации этнически близких к белорусам иммигрантов, следует сказать и о том, что украинская диаспора не исчерпывалась (как белорусская) только наличием прокоммунистических обществ. Существовали и националистические общества «Просвіта» и «Відродження», которые крайне негативно относились как к Польше, так и к Советскому Союзу. А русские переселенцы отличались от белорусов идеологически и своим социальным статусом: это были немногочисленные представители белого движения. В итоге, белорусы, симпатизирующие СССР, являлись антагонистами как украинских националистов, так и русских белоэмигрантов.

Противоречия в среде межвоенных иммигрантов со всей наглядностью проявились в 1939 г.: представители враждующих организаций в Аргентине по-разному реагировали на начало Второй мировой войны. Украинцы из «Просвіти» и «Відродження» настороженно встретили ввод советских войск на территорию Западной Украины. А примером того, как представлялись белорусам в Аргентине события 1939 г., служит выпуск «Новой Газеты» от 29 октября 1939 г. В публикациях этого номера отсутствуют какие-либо опасения в связи с

вводом войск Красной Армии на территорию Западной Беларуси. Наоборот, «многострадальный и свободолюбивый народ Зап. Белоруссии очень доволен и много благодарен своим братьям за то, что они освободили из-под варварского гнета панской Польши... с радостью в душе... ждет нового урожая, посеянного на обширных и плодородных участках помещицкой земли. Его не огорчает больше национальный гнет, не донимают налоги, не мучит печальная мысль за свое будущее» [3]. Также, со ссылкой на корреспондента «Правды», говорится о переводе в школах обучения на белорусский язык, о конфискации «имущества панов». В последующих статьях рассказывается о советском сельском хозяйстве, где, в частности, колхозники Витебского района, обращаясь к западным белорусам, заявляют: «Мы живем зажиточной, счастливой и культурной жизнью... Все граждане живут такой жизнью. – Вы также можете ее добиться по освобождению от ига польских панов» [4].

О том, что симпатии иммигрантов к СССР существовали задолго до 1939 г., свидетельствует и следующий факт. В указанном номере «Новой Газеты» был напечатан список добровольцев-белорусов из Аргентины, погибших в Испании «в борьбе с фашизмом» (всего 21 человек). По воспоминанию В. Романовича, в его доме перед отъездом в Испанию жило два белоруса. На вопрос, который задал В. Романович, тогда еще мальчик: ««Почему они идут защищать Испанию? Ведь они белорусы». Отец отвечал: «Защищая Испанию, мы защищаем СССР». Для меня это было четко и ясно, мне больше ничего не надо было, кроме того, что сказал отец» [5].

Если приход Советской власти вызвал положительные эмоции и белорусов в Аргентине, то нападение нацистской Германии вызвало среди них бурю негодования. 22 июня 1941 г. стало толчком к сплочению просоветских иммигрантов, которые считали себя обязанными помочь сражающейся против нацизма Родине. Белорусские комитеты помощи Родине создавались в различных регионах Аргентины, часто при культурно-просветительских обществах. В ноябре 1941 г. был создан объединенный Белорусский демократический комитет (БДК). Кроме того, белорусы участвовали и в работе украинских комитетов помощи. Вся белорусская диаспора с июня 1941 г. по октябрь 1946 г. оказала помощь СССР деньгами и вещами на сумму более 1 млн. песо [6, с. 19].

Не имея возможности сражаться в рядах Красной Армии, иммигранты, жившие по польским паспортам, могли завербоваться в Польские Вооруженные Силы (ПВС). В 1940 г. в Аргентину для организации набора добровольцев прибыли специальные польские уполномоченные. В результате набора в ПВС из Аргентины отправилось в Европу сражаться в польских формированиях 1263 человека, среди которых было 92 или 110 белорусов. Но белорусы могли быть и среди тех, кто назвался по тем или иным причинам «поляком». Наплыв же белорусов и украинцев на вербовочные пункты был отмечен с лета 1941 г., после нападения Германии на СССР. Уполномоченные ПВС объясняли это тем, что среди них «попадает много коммунистов, сочувствующих СССР, однако во время призыва они это не декларируют...» [7, с. 409-410].

После разгрома нацизма авторитет Советского Союза на международной арене значительно вырос, и президент Х. Перон в 1946 г. установил дипломатические отношения с СССР. Появление в Буэнос-Айресе советского посольства дало возможность белорусам и украинцам в Аргентине поменять свои польские паспорта на советские и, таким образом, стать советскими гражданами. В результате, в Аргентине насчитывались десятки тысяч советских граждан, которые никогда не были в СССР. Но в это время в Аргентину стали прибывать из Европы «перемещенные лица», а также демобилизовавшиеся солдаты армии Андерса, которые знали Советский Союз не понаслышке.

Однако диалога между представителями двух волн иммиграции (довоенной и послевоенной) не получилось. Советские дипломаты утверждали: все послевоенные переселенцы – это бывшие пособники нацистов, с которыми настоящим советским людям нельзя поддерживать никаких контактов. По воспоминаниям одного из вновь прибывших, «старые иммигранты» обвиняли их в измене Родине и сотрудничестве с немцами, называли «фашистами» и кричали: «Езжайте назад!». Столкновения происходили «в столовках и ресторанах на протяжении не-

скольких лет. Такие инциденты возникали из-за наглого поведения сборщиков денег в помощь жертвам фашизма или во время очень частых сборов на «боты Сталину»» [8, с. 64].

Если пароходы с «перемещенными лицами» просоветские иммигранты встречали выступлениями протеста, то советские суда, заходившие в Буэнос-Айрес, вызывали у них самые трепетные чувства. «Когда приезжали русские пароходы, то и моряки приходили к нам. Мы пели советские песни: «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина», танцевали «казачок». Они смотрели на нас и поражались: в Буэнос-Айресе есть такие ребята... Мы их приглашали в клуб, а они нас приглашали на пароход. Однажды мы были на пароходе в гостях, и капитан нам сказал, что это пароход не наш (советский), а трофейный – чтобы не трогали с благоговением. Один матрос подарил моей сестре Ольге одеколон «Сирень» (самый дешевый), и мы этот одеколон нюхали – это ведь запах советский, советский запах! Мы по капельке использовали этот одеколон» [9].

Культурно-просветительская работа и деятельность по сбору средств Советскому Союзу, как во время, так и после войны, часто организовывались и направлялись членами КПА. На стороне КПА белорусы участвовали и в политической борьбе в Аргентине, для того чтобы демократическое устройство (как в СССР) установилось и здесь: «Мы же коммунисты, советские люди, из Страны Советов, сталинцы! Это же самая что ни на есть демократия!» [9]. Поэтому аргентинские власти подвергали преследованиям белорусов, считая их всех коммунистически ангажированными. Еще в начале 1940-х гг. белорусские общества «Культура» и «Библиотека им. И. Луцкевича» стали заявлять, что их не устраивает влияние коммунистов на работу обществ, а также то, что общества чрезмерно вмешиваются в политическую жизнь Аргентины. Ведь иммигранты не имели права заниматься политической деятельностью. Они предлагали проводить только культурно-просветительскую работу.

Раскол белорусской диаспоры на сторонников «культурничества-невмешательства» и тех, кто занимал активную политическую позицию на стороне КПА, наблюдался до конца 1940-х гг. 3 июня 1949 г. власти запретили деятельность 210 просоветских организаций в Аргентине, в том числе и белорусских. Белорусские активисты Т. Ляшук, А. Драмазонек, И. Шоц были брошены в тюрьмы. Однако «Библиотека им. И. Луцкевича» продолжала функционировать, так как перед этим за нежелания сотрудничать с КПА была исключена из белорусского объединения. Советские дипломаты приняли решение о закрытии этого общества, и иммигранты-белорусы ему подчинились, что отображает решающее мнение советских представителей в белорусской общественной жизни в тот момент.

В политическую жизнь Аргентины в 1950-х гг. белорусы не вмешивались: в это время многие иммигранты ожидали разрешения вернуться на Родину. В начале 50-х гг. были сформированы культурно-спортивные клубы советских граждан, в которые входили представители всех национальностей. В Буэнос-Айресе и в провинции работало восемь клубов (им. М. Горького, им. Н. Островского, им. В. Белинского и др.). Наиболее массовой организацией, вокруг которой объединились советские граждане, было общество взаимопомощи «Белорусский очаг», которое в 1955 г. объединяло 11 тыс. человек разной национальности (белорусов, украинцев, литовцев и других). В этих интернациональных клубах были организованы курсы русского языка, хоры и театральные коллективы, кружки по изучению творчества советских писателей. Разучивали популярные после войны песни – «Катюшу», «На солнечной поляночке» и другие. В кружках знакомились с работами Ленина, Сталина и объясняли друг другу, как устроена жизнь в СССР.

Иммигранты, готовящиеся к переезду в СССР, могли познакомиться и с достижениями советской промышленности и культуры. В 1955 г. в Буэнос-Айресе была проведена советская промышленная выставка. В центре аргентинской столицы был построен советский фанерный павильон, напоминавший сталинские высотки послевоенного периода. На выставке экспонировались достижения советской науки, станки, сельскохозяйственные машины и т. д. Для белорусских иммигрантов это была возможность прикоснуться к жизни в СССР; они также активно привлекались к работе на этой выставке в качестве переводчиков для приехавших советских инженеров и в качестве негласной охраны: «Когда была советская выставка в Аргентине, мы туда шли еще и потому, что белогвардейцы колеса могли в МАЗах порезать. То есть мы ...

следили за порядком. Был один эксцесс: кто-то хотел порезать колесо МАЗа, здоровенной машины (тогда, кажется, уже был двадцати пяти тонный)... Водку пшеничную «Московскую» покупали, и дома она лежала... Дядя Коля пил ее как лекарство...» [10].

В результате активизировавшихся контактов стал возможным приезд в Аргентину и представителей советской культуры: «Приехали Алла Ларионова и Сергей Столяров. Когда они появились в аэропорте «Эсейса», то был огромный наплыв народа, редкий для Аргентины. В основном это были славяне и евреи... Потом приехал из СССР знаменитый скрипач Давид Ойстрах, который бесплатно дал концерт в самом крупном летнем амфитеатре. Потом в паре с Татьяной Николаевой дал концерт на всю Аргентину. Такая слава была у русских – мы все гордились. И куда ни пойдешь, восторженно говорили об их выступлении. Наши белорусы ... может и не могли оценить по достоинству выступление (слышали, ну и слышали), но рады были советскому» [5].

Желание переехать в СССР было сильным не только у межвоенных переселенцев, но также у молодежи – белорусов, родившихся в Южной Америке, которые не говорили на языке предков, и для которых Родиной стала Аргентина. Советское общество им представлялось так: «нет безработицы, нет проституции, конкуренция заменена... социалистическим соревнованием, от перепроизводства спасает плановая экономика, уголовники осознали свои преступления в гуманной тюрьме и выходят оттуда пристойными строителями будущего...» [11, с. 224]. На молодых не действовали аргументы старших аргентинцев. И. Пронько вспоминает, как после просмотра советских фильмов «...мне представлялось, что в СССР всё твое, всё народное: все танцуют, все смеются и поют. Правда, мой сосед в Аргентине, старый итальянец говорил: «Хосе, ты уезжаешь из Аргентины. Плохо. У вас здесь есть дом, ты учишься, брат заканчивает учебу. А там придется все заново начинать». Я отвечал: «Дон Паскуаль! В этой стране человек эксплуатирует человека! Это невозможно!». А сосед: «О-о! А там еще хуже: там государство эксплуатирует человека. Против человека бороться можно, а против государства – ох как трудно»» [10].

Переехать в СССР иммигранты-белорусы смогли во второй половине 1950-х гг., только после смерти Сталина. Кстати, траурные мероприятия после смерти вождя проводились и в Буэнос-Айресе. Белорусская девочка запомнила, как «была в белом платьице, и у всех, и у моего отца, были такие черные траурные ленточки (в Аргентине так принято: если траур, то мужчинам пришивают черную ленточку на рукаве, а у женщин должен быть какой-нибудь траурный бантик). Мы возле советского посольства выстроились и колоннами проходили, отдавали честь» [12].

Всего в Советский Союз из Аргентины переехало приблизительно полторы-две тысячи белорусов и четыре тысячи украинцев. Многие ехали не в надежде на зажиточную жизнь (в Аргентине белорусы материально были обеспечены), а для того, чтобы жить в справедливом обществе: «Мы знали, что здесь прошла война, что жить, как раньше, мы не будем. Это хорошо осознавалось. Но в СССР же есть справедливость» [13]. На кораблях, пересекавших Атлантику, переселенцы продолжали готовить себя к советской жизни: «Когда плыли на корабле «Энтре Риос», мы изучали книгу «Сто вопросов и ответов о Советском Союзе», выучили гимн СССР на испанском языке. Когда наш пароход заходил в Одессу, нас встречали с оркестром, который исполнял гимн СССР. И мы хором в тысячу голосов начали петь гимн по-испански. А в порту все к этому отнеслись с полным безразличием: все сидят. И мы после первого куплета перестали петь» [10].

По приезду все увидели разницу между тем, что писали советские издания, и тем, как живут советские люди на самом деле. Стало очевидным, что под воздействием пропаганды у белорусов в Аргентине сформировался иллюзорный образ СССР. Для советских правителей мало что значила судьба человека, сломавшего себе жизнь переездом в мир, который представлялся в розовом свете. Государственные интересы превалировали и при принятии решения о запрете возвращения в Аргентину разочаровавшимся реэмигрантам. Только во второй половине 1960-х гг. власти СССР разрешили вернуться в Аргентину тем, кто родился в этой стране и их ближайшим родственникам. Этим правом воспользовались чуть более трехсот реэмигрантов-белорусов.

Таким образом, с 1930-х гг. и до второй половины 1950-х гг. белорусские межвоенные иммигранты в Аргентине являлись активными сторонниками СССР, что проявлялось в работе белорусских организаций, на страницах печатных изданий, а также в поддержке Компартии Аргентины. Во время Великой Отечественной войны для борьбы с фашизмом иммигранты вербовались в ряды польских воинских формирований, а также собирали материальную помощь для СССР в Аргентине. После войны белорусы активно сотрудничали с советским посольством, продолжали оказывать поддержку СССР и КПА. Из-за своей просоветской ангажированности иммигранты не принимали за правду рассказы послевоенных беженцев об СССР, которые воспринимались как откровенная клевета. Ведомые ностальгией и желанием жить в справедливом обществе, белорусы реэмигрировали во второй половине 1950-х гг. на Родину. В Советском Союзе реэмигранты столкнулись с неведомым ранее коммунистическим строем и не все смогли приспособиться к новым жизненным реалиям. Белорусские иммигранты в Аргентине желали жить в общей семье с восточными белорусами в составе СССР, но эти желания были окрашены иллюзорным представлением о Советском Союзе.

Резюме. Автор анализирует просоветскую ориентацию белорусских иммигрантов в Аргентине в 1930-1950 гг.

Abstract. The author analyzes the prosoviet orientation of the Belarus immigrants in Argentina in 1930-1950.

Литература

- 1 Приложение // Руденко, А. В. Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925 – 1955 гг.): дис. ...канд. истор. наук. – М., 1975. – С. 149-171.
- 2 Котовський, А. Х. На берегах Ла-Плати. – Львів: Каменяр, 1988. – 167 с.
- 3 Что происходит в Западной Белоруссии? // Новая Газета. – Буэнос-Айрес. – 29 октября 1939 г. – С. 1.
- 4 Советские белорусы – своим зарубежным братьям // Новая Газета. – Буэнос-Айрес. – 29 октября 1939 г. – С. 4.
- 5 Запись беседы с Василием Романовичем.
- 6 Руденко, А. В. Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925 – 1955 гг.): автореф. дис. ...канд. истор. наук: 07. 00. 03 / АН СССР – Москва, 1975. – 29 с.
- 7 Грыбоўскі, Ю. Беларусы ў польскіх рэгулярных вайсковых фармаваннях 1918 – 1945. – Санкт-Пецярбург: Неўскі прасцяг, 2006. – 832 с.
- 8 Мерляк, К. Дзейнасць Кастуся Мерляка на эміграцыі. – Мінск: «Хата», 1994. – 475 с.
- 9 Запись беседы с Михаилом Романовичем.
- 10 Запись беседы с Иосифом Пронько.
- 11 Шэрман К. «Мерыканцы» / Шэрман, К. // Таямніцы почырку. Літаратурна-крытычныя артыкулы, эсэ. – Мінск, 1995. – С. 209 – 245.
- 12 Запись беседы Анной Балахоновой.
- 13 Запись беседы с Михаилом Мовчаном.